

О. Мерлен¹, Т. Папазян²

¹ Брюссельский свободный университет (франкоязычный),
B1050 г. Брюссель, Бельгия

² Университет Южной Калифорнии,
90089 г. Лос-Анджелес, США

Армянские бойцы-добровольцы в Нагорно-Карабахском конфликте: взгляд на нарративные траектории в ситуации «ни войны, ни мира»¹

В статье представлены результаты исследований, проведенных в Армении после Четырёхдневной войны (апрель 2016 г.), а затем в 2017 г. Эта работа исследует значение, которое добровольцы и бывшие комбатанты придают своему участию в карабахском вопросе как социальной мобилизации, а затем как вовлеченности в войну. У некоторых – двойной опыт в течение их жизни. Используя индуктивный метод исследования, в статье делается попытка пролить свет на траектории жизни ветеранов карабахской войны (1991–1994 гг.) в послевоенной Армении, точнее, в течение десятилетий конфликта в условиях постоянно нарушаемого режима прекращения огня. На фоне континуума этого конфликта и Четырёхдневной войны статья свидетельствует о существовании у большинства из этих ветеранов и бывших комбатантов состояния боевой готовности, независимо от того, переводится ли это непосредственно

¹ Данная статья является частично доработанным переводом оригинальной публикации на английском языке: Merlin A., Papazian T. Armenian volunteer fighters in the Nagorno-Karabakh conflict. An eye on narrative trajectories in a no-war no-peace situation. *Security, Society and the State in the Caucasus*. D. Averre, K. Oskanian (eds.). Routledge, 2019. Pp. 145–166.

Авторы благодарят издательство «Routledge» за любезное предоставление разрешения на публикацию на русском языке. Перевод с английского на русский: Андрей Есин.

в их послевоенный профессиональный курс или нет. Траектории ветеранов за 25-летний период после прекращения огня, отражают, судя по всему, проникновение состояния боевой готовности в индивидуальную практику.

Ключевые слова: Карабах, Нагорно-Карабахский конфликт, ветераны военных действий, армянские добровольцы, ситуация «ни войны, ни мира», состояние alertности, социальные траектории.

Благодарности. Мы выражаем глубокую признательность Анне ле Уэру, Дереку Аверру, Кеворку Осканяну, Нейлу Мелвину, Кристофу Васинскому, Ксавьеру Фоллебуку, Мариэль Дебо и Ваграму Тер-Матевосяну за их ценный вклад, который позволил значительно улучшить эту статью. Мы также выражаем благодарность Наталье Вутовой за ее помощь в Ереване.

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Мерлен О., Папазян Т. Армянские бойцы-добровольцы в Нагорно-Карабахском конфликте: взгляд на нарративные траектории в ситуации «ни войны, ни мира» // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 123–149.

A. Merlin¹, T. Papazian²

¹ Université libre de Bruxelles,
Brussels, B1050, Belgium

² University of Southern California,
Los Angeles, CA, 90089, USA

Armenian volunteer fighters in the Nagorno-Karabakh conflict. An eye on narrative trajectories in a no-war no-peace situation

This article presents the results of field research carried out in Armenia in the aftermath of the Four-Day war (April 2016) and later on, in 2017. This qualitative fieldwork questions the meanings that volunteers, veterans and former combatants give to their involvement in the Karabakh question as social mobilization and then war, sometimes twice in the course of their lives. Using an inductive method of research, the article attempts at enlightening trajectories of veterans of the Karabakh war (1991–1994) in post-war Armenia, or rather, during the decades of conflict under a permanently violated cease-fire regime. Against the background of this conflict continuum and in the context of the Four-day war, the article

evidences the existence of a state of alert inhabiting most of these veterans and former combattants, whether this translates directly in their post-war professional course or not. Looking at veterans' trajectories over a period of 25 cease-fire years, they seem to reflect the impregnation of the state of alert into individual practices.

Key words: Karabakh, Nagorno-Karabakh conflict, war veterans, Armenian volunteers, "no-war no-peace" situation, state of alert, social trajectories.

Acknowledgments. We are deeply grateful to Anne Le Huérou, Derek Averre, Kevork Oskanian, Neil Melvin, Christophe Wasinski, Xavier Follebouck, Marielle Debos, Vahram Ter-Matevosyan for their valuable contribution, which allowed to significantly improve this article. We also thank Natalia Voutova for her help in Yerevan.

CITATION: Merlin A., Papazian T. Armenian volunteer fighters in the Nagorno-Karabakh conflict. An eye on narrative trajectories in a no-war no-peace situation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 123–149. (In Russ.)

Введение

В апреле 2016 г. в Карабахе вспыхнула «Четырехдневная война»². Это короткое, но жестокое противостояние послужило еще одним проявлением нестабильной ситуации «ни войны, ни мира». Эта ситуация сложилась в Карабахе с момента прекращения огня в 1994 г. Она четко напомнила о том, что конфликт, начавшийся в 1988 г., никогда понастоящему не был разрешен, превратившись в «замороженную ситуацию» [12, с. 59–74]. Предложения, регулярно выдвигаемые Минской группой ОБСЕ на протяжении 1990-х и 2000-х гг., наткнулись на нежелание то одной, то другой стороны идти на компромисс. Не остается никаких сомнений, что выражение «замороженный конфликт» неприменимо к существующему положению дел, осложняемому все возрастающим количеством случаев нарушения перемирия с 2014 г. Наоборот, термин «неразрешенные конфликты» все чаще употребляется для описания подобных, кажущихся непреодолимыми, постсоветских конфликтов, которые характеризуются постоянными военными столкновениями разной интенсивности. Хотя столкновение 2016 г. и обозначило внезапную смену характера конфликта, тлевшего с момента перемирия 1994 г., разделив его на две войны, в долгосрочной перспективе это лишь подчеркивает континуум нестабильности [37].

² Началом войны послужили обстрелы деревень Тальш, Мадагис и Мардакерт (к востоку от Нагорно-Карабахской Республики) и последовавшая за ними бомбардировка Казаклара/Нузгера, Алханлы/Физули (на юге), а также Капанли/Суйсулана и Гулистана/Тонашена (на севере). Информация основана на данных, собранных и опубликованных 23 апреля 2016 г. Эмилем Санамяном, независимым аналитиком и журналистом (<http://yandunts.blogspot.co.il/2016/04/april-2016-war-in-karabakh-chronology.html> (по состоянию на июнь 2017 г.)).

С другой стороны, карабахский статус-кво действительно можно описать как «заморозку». С 1994 г. Карабах продемонстрировал множество признаков де-факто государства³ [47, с. 5–16]. Изначально взяв открытый курс на стремление «воссоединиться» с Арменией, Карабах выбрал провозглашение независимости в 1991 г. и продолжал требовать признания этого статуса после военных успехов 1994 г.⁴ При этом, даже учитывая, что Карабах полностью вышел из-под контроля Азербайджана с момента перемирия 1994 г., Баку до сих пор считает его своей территорией.

Карабахский конфликт, начавшийся в 1988 г., не закончен во время завершения статьи в 2019 г. В рамках этого конфликтного континуума нарушения прекращения огня с 1994 г. являются частыми и регулярными, что придает конфликту низкую интенсивность и почти постоянный характер. Военные операции апреля 2016 г. отличаются интенсивностью, продолжительностью, количеством жертв с обеих сторон (более 300) и их последствиями. Наша первая полевая командировка в июне 2016 г. состоялась очень скоро после событий апреля 2016 г. У респондентов осталось тогда смутное представление о событиях, особенно в том, что касается времени окончания операций. С другой стороны, было ясно, что все видят в этих событиях 2016 г. новую войну.

В соответствии с предпочтительным в данной статье методом качественного исследования, авторы восприняли всерьез то, как респонденты характеризуют эти события: то ли как «вторую войну», то ли как «последнюю войну». В последующие месяцы название «Четырехдневная война» стало использоваться для обозначения этого эпизода, консолидируя эту периодизацию. В поддержку этой периодизации на две войны соглашение о прекращении огня 1994 г. не было ни отменено, ни заменено в конце вооруженных операций 2016 г. Как бы нарушено оно ни было, оно остается в силе.

Мы попытаемся заново открыть мотивы конфликта, длящегося 25 лет и охватывающего полный поколенческий цикл, рассматривая один из механизмов реакции общества – вовлечение армянских бойцов-добровольцев в Карабахскую войну в 1988–1994 гг. и в апреле-мае 2016 г.,

³ По сравнению с правовым определением государства, установленного в Конвенции Монтевидео, Нагорный Карабах не обладает международным признанием и, как представляется, определенной территорией (последнее обстоятельство является частью переговорного процесса). Из-за того, что его независимость не была де-юре признана на международном уровне, несмотря на растущее число государств, признающих республику в частном порядке, особенно США, Карабах не пользуется преимуществами полного суверенитета [47].

⁴ К тому же Нагорно-Карабахская Республика сделала ряд политических и правовых шагов для обретения разных атрибутов государства, прежде всего, регулярно проводя выборы с 1996 г. и приняв две конституции – в 2006 и 2017 гг., переименовав себя в Республику Арцах – армянское название Карабаха.

на пике военного противостояния⁵. Наша работа исследует воспоминания и рассказы ветеранов войны о своем боевом опыте в период пика военной напряженности в 2016 г. Она нацелена на анализ субъективной значимости добровольчества и восприятие/«маркировку» конфликта добровольцами. Цель этой статьи – улучшить понимание свойств этого ответного механизма общества (добровольчества) в ситуации политически неразрешенного и непрекращающегося в военном плане конфликта и воздействия, которое он производит на их траектории. На этом этапе нашего исследования мы приведем результаты предварительного, сделанного согласно индуктивному подходу, анализа качественных данных, собранных во время двух полевых работ в Армении (в июне 2016 г. и январе 2017 г.).

Мы обработали 20 индивидуальных и групповых полуструктурированных интервью⁶.

⁵ Большинство источников указывают, что несколько тысяч армян пошли воевать в Карабах в 2016 г. Для сравнения: изначальное количество добровольцев в начале войны и в конце 1980-х гг. было примерно одинаково, около 5 тыс. человек, организованных в *джогад* (группы бойцов). По нашим оценкам, количество бойцов из самого Карабаха колебалось между примерно тысячами и несколькими тысячами во время войны 2016 г. (полевые записки, июнь 2016 г.).

⁶ 1. Мы представлялись учеными из Франции и Бельгии, проводящими исследование о ветеранах и добровольцах войны, и объясняли, что ищем людей, непосредственно вовлеченных в карабахский конфликт, будь то война 1988–1994 гг. и/или Четырехдневная война 2016-го г., и которые были бы согласны поделиться своими историями. Многие приветствовали тот факт, что над этими темами работают иностранные ученые, даже если не были готовы поделиться личным опытом при ответе на вопросы, которые вызывали сильные негативные воспоминания.

2. Собеседования начинались с объективных биографических вопросов, как правило, места и даты рождения, работы и/или профессии, семейного положения. Этот тип вопросов часто вызывал более субъективные вопросы по траекториям (см. п. 3).

3. Основные вопросы касались траекторий и ключевых моментов в жизни опрошиваемых, показанных через действия/решения, что позволило нам достичь вопросов нашего исследования об их собственном восприятии конфликта и их вовлеченности в него. Например, когда и/или как они датируют начало конфликта и свою собственную вовлеченность в него (которые могут и не совпадать); свою реакцию; свое понимание вещей; восприятие проблемы и эволюцию со временем; причины вовлеченности в конфликт; свою реакцию на Четырехдневную войну; свое прочтение событий. В рамках этого набора вопросов часто разворачивались семейные воспоминания, индивидуальные или коллективные обращения к прошлому, которое ощущалось как связанное с текущими событиями и, таким образом, как вовлеченность в них.

4. Дополнительные вопросы носили смешанный характер и зависели от возраста опрошиваемого и от особого курса проведения каждого интервью. Дополнительные вопросы касались более широкого восприятия респондентом карабахского конфликта, проблем и решений, роли политических деятелей или третьих стран. Можно было задать и более частные вопросы, об их семьях, детях, о том, как они видят проблемы или планы на будущее нового поколения. Эти дополнительные вопросы не являются бесполезным любопытством, а позволяют более целостно понять социальный и ментальный мир опрошиваемого и более тонко понимать другие ответы.

5. Интервью заканчивается благодарностью опрошиваемому за его/ее время и готовность продолжать делиться своим опытом. После выключения диктофона встреча может продолжаться несколько минут с просьбой о дополнительных контактах и с пожеланиями успеха, что всегда завершает разговор в Армении и на самом деле является способом попрощаться.

Главной особенностью полуструктурированных интервью является навигация с учетом реакций и ответов респондентов. Таким образом заранее составленная анкета сводится к минимуму, главным образом, к объективным биографическим данным. Мы взаимодействовали с респондентами как ведущие интервью. Интервью длилось от 1 до 2 часов. Большинство из них произошло в Ереване, некоторые – в регионах. В большинстве случаев это были одиночные интервью, проведенные отдельно авторами. Одна из нас проводила интервью на армянском языке (Талин Папазян), другая – на русском (Од Мерлен); были также два случая, когда одно одиночное интервью вылилось в более широкую групповую дискуссию. В большинстве случаев респонденты соглашались на запись и на то, чтобы их имя и фамилию сохранили.

Используя несколько каналов обеспечения участия, которые привели к «эффекту снежного кома», нам удалось опросить разных людей: некоторых «старожилов»; членов объединений помощи бывшим воинам; председателя союза добровольцев *Еркрана* («Защитников земли») и его заместителя; бывших бойцов, ставших профессиональными солдатами; людей, состоявших в спецбатальоне *джогад* (батальон «приговоренных к смерти» *Ардзив Махабарт*) и «Особом полку»; профессионального военнослужащего, покинувшего советскую армию для того, чтобы попасть на фронт; бывшего офицера силовых структур СССР, ставшего полевым агентом во время войны; двух женщин и телерепортера/режиссера-документалиста, который снимал репортажи о Карабахской войне в 1992–1994 гг. Мы также взяли два дополнительных интервью у близких родственников бывших бойцов (вдовы пропавшего без вести добровольца и сына солдата, погибшего в бою). Разнообразие социологических профилей особенно обогатило исследование, и мы уделяли большое внимание значению, которое его участники придавали своим действиям, используя веберовскую [50] перспективу интерпретативного подхода к участникам, что означает, что мы концентрировались на их функции «актеров», без какого-либо предубеждения к ним. Список опрошенных не имеет статистического значения в плане репрезентативности, но тот качественный материал, который он представляет, дает нам эвристические элементы, которые мы будем в дальнейшем развивать.

Поведение сотен ветеранов, вновь записавшихся в добровольцы в апреле 2016 г. и последующие недели⁷, и показания, которые нам

⁷ Из интервью с заместителем министра обороны Армении Давидом Тонояном и руководителем Управления по социальной защите военнослужащих Министерства обороны, июнь 2016 г.

удалось у них собрать, дали нам понимание их представления о конфликте и их роли в нем в течение длительного периода существования ситуации «ни войны, ни мира». Естественно, будет необходимо дополнить это исследование симметричным опросом о представлениях и опыте бывших азербайджанских бойцов, которые участвовали в том же конфликте.

I. Становясь бойцом: сингулярные траектории в коллективной социополитической истории

Взятые нами интервью четко свидетельствуют о том, что война 2016 г. пробудила яркие воспоминания о событиях 1988–1994 гг. Эти воспоминания распались на две повествовательные линии, одна из которых касалась ключевых событий начала войны в Карабахе, а другая отражала личные истории «становления бойцов». Это становление, как следует из рассказов, проистекает из сочетания объективной ситуации и субъективного вовлечения в войну. Яркий пример такого сочетания кроется в позициях по поводу момента начала войны. Его определение для каждого добровольца тесно связано с этим двойным повествованием: в отсутствие всеобщей мобилизации бывшие бойцы описывают свое вступление в войну как смешение неформального, импровизированного поведения и логики общественного деяния.

Сосуществуют два измерения. Одно из них представляет собой коллективную социополитическую канву истории, на которой важнейшие события фиксируются в виде памятных точек. В этом переплетении случаев, где объективные факты пересекаются с личными решениями, одно событие является общим для нарративов всех бывших армянских бойцов, которых мы интервьюировали: февраль 1988 г. в Сумгаите, когда 32 армянина были убиты и 197 ранены в результате трехдневного погрома в Азербайджане [14, с. 97–109]. Оно упоминается как событие всеобщей значимости, играющее доминирующую роль в начале войны и также являющееся важной политической вехой [41, с. 31, 38–39]. Поразительно, что термин «Сумгаит» иногда используется респондентами в качестве общего выражения для обозначения нескольких подобных случаев, имевших место в Азербайджане с 1988 по 1990 гг.⁸ Другое измерение – это личное изложение событий, с которыми акторы субъективно связывают начало «своей» войны, что особенно интересно в контексте общества, в котором доступ к информации строго контролировался государством. Таким образом, личный опыт каждого участника

⁸ В советском Азербайджане произошли три армянских погрома: два в 1988 г., сначала в Сумгаите, затем в Кировабаде/Гяндже, и еще один в январе 1990 г. в Баку.

содержит в себе информацию из первых рук, а кумулятивное наложение этих опытов складывается в коллективную историю, подчеркивая отдельность общественного мышления от политического.

1. Одна из точек начала отсчета войны: Сумгаит

– *И тогда уже после Сумгаита начнется. Самое главное – как весь армянский народ встал... в [19]88 году, 28 февраля – самое главное. После Сумгаита начнется. И так армянский народ встал и в начале их требования: Нагорный Карабах...* (Герам, 1961 г.р., председатель «Особого полка», организации бывших бойцов из этого подразделения.)

Все наши респонденты уверены в катализирующем эффекте, который происшествие в Сумгаите возымело на их вовлечение в события⁹ как символической черте, после которой было невозможно оставаться нейтральным или полагаться на политическую мобилизацию. Хотя демонстрации воспринимались как важные события для социализации, они зачастую представлялись в обратной хронологии по отношению к фактическим событиям: память меняет цепь прошлых событий, т.к. после резни в Сумгаите демонстрации не стали собирать больше людей, но обрели новый уровень значимости. Приходя на демонстрации, люди пытались, иногда бессистемно, не просто ограничиваться участием в политических событиях, но и вовлечься в военные. Демонстрации больше не были просто поводом скандировать «Миацум» («объединение»), а стали служить местом, где люди устанавливали связи, составляли списки, заявляли о готовности поехать воевать, поддерживая позицию Карабаха. Но наши собеседники зачастую давали путаные показания, т.к. некоторые ассоциировали с этим периодом требования о независимости Карабаха, которые были формализованы в заявлениях только в 1991 г., когда стратегия объединения была заменена на объявление независимости. Именно подобным образом Манвел, бывший солдат, а ныне активист ветеранской организации, связывает собрания у здания Оперы после событий в Сумгаите с требованиями о независимости Карабаха.

Да, как нормальные люди... все встали и пошли на Оперу... и требовали независимости Арцаха... (Манвел, член ветеранской организации, Ереван, 7 июня 2016 г.)

На политическом уровне погромы помогли ускорить создание вое-низированных групп, готовых отправиться на фронт. Уже в 1988 г. Карабахский комитет решил сформировать *еркрана джогоаднер* (букв.

⁹ Связь между событиями в Сумгаите и войной в Карабахе проанализирована в работе V. Cheterian [14].

«вооруженные группы защитников родины») [41, с. 75–91]. В то же время Армянское национальное движение, которое проводило демонстрации за включение Карабаха в территорию советской Армении, радикализовало свое отношение к советской власти и начало требовать предоставления независимости. Наиболее значимым решением в этом отношении было создание в 1990 г. Комитета Обороны, возглавляемого Вазгеном Саргсяном [Там же, с. 37–43]. Задачей комитета был надзор за формированием и отправкой *джогадов*, неформальных вооруженных групп численностью от 15 до нескольких дюжин человек, эти группы достигли максимального числа в 5 тыс. человек во всей Республике Армения. Так как Армения в то время была частью Советского Союза, это начинание было полностью неофициальным¹⁰. Некоторые из этих черт были присущи различным конфликтам на Кавказе, а именно: вовлечение людей в войну в составе неофициальных групп бойцов, попытки самоорганизации и формализации со стороны расцветающих политических сил [34, с. 1–9].

2. Преданные добровольцы, импровизированные бойцы

Отсутствие формального объявления войны и устоявшейся государственной структуры породило ситуацию, в которой при формировании групп *джогад* преобладали спонтанность и импровизация. В воспоминаниях людей присутствует некая смычка, которая увязывает демонстрации с появлением *джогадов*.

– *Когда митинги, я несколько дней там... участвовал. Там собирались ребята... ну, ровесники или в несколько лет разница... все от души хотели уже в Нагорный Карабах. И тогда мы начали собирать отряды. Но это... камavorакан... [добровольцы]*

– *Камavorакан. [добровольцы] <...>*

– *Мы собрались все. Никто друг друга не знал. Мы не знали, кто они, ребята не знали, кто я, просто там встретились во время митинга и начали собирать отряд. (Манвел, член ветеранской организации, Ереван, 7 июня 2016 г.)*

Способ добычи оружия был типичным для обстановки, царившей в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда советская система постепенно разрушалась накануне появления новых государств. Оружие собиралось из всех возможных источников и всеми доступными способами: нападениями на гарнизоны, скупкой, обменом, с помощью коррупции. Те же способы можно было наблюдать в Абхазии и Чечне: люди становились бойцами на общем фоне экономического развала, последовавшего

¹⁰ Более глубокий анализ этого политического процесса см. [41, с. 75–97].

за реформами перестройки в совокупности с приватизацией и ослаблением советского государства [7, с. 3–18]. Таким образом, мы можем выявить довольно разнообразный «комплект бойца»: некоторые разбирали оружие деревенских охотников, некоторые доставали его в захваченных гарнизонах, в то время как другие ездили по Кавказу, чтобы запастись им.

– *Тогда не было такого оружия, автоматов... там охотничьи [винтовки]... ТОЗ...*

– *А откуда оружие? Из дома?*

– *Конечно.*

– *В каждом доме есть?*

– *Нет, не в каждом.*

– *И вы знали, куда обратиться?*

– *Да, конечно.*

– *К соседям? К родственникам?*

– *У друзей, у соседей. Кто где.* (Армен, заместитель председателя местного отделения Еркрапа, Дилижан, 3 июня 2016 г.)

Рубен – бывший советский офицер, дезертировавший из армии, чтобы создать группу бойцов и дойти до границы между Арменией и Азербайджаном в 1990 г. Он помнит, как он организовал свою группу и какое оружие у них было, когда они отправились воевать:

– *А эти восемь человек, вы их собрали, получается, в [19]89 году? В начале года? А потом, что конкретно? Откуда оружие? Какая стратегия?*

– *Оружие... ну... охотничьи ружья, потом из ДОСААФ вот взяли мелкалиберную двустолку...*

– *Из ДОСААФ?*

– *Да, вот так достали оружие, а потом остальное уже оружие добыли... Тогда оружие брали у азербайджанцев¹¹.* (Рубен, бывший советский офицер, 7 июня 2016 г., Ереван.)

Боевой опыт участников перед тем, как они отправлялись воевать, был довольно разным. Большинство людей, которых мы интервьюировали, отслужили в армии в советский период, но некоторым пришлось обучаться в полевых условиях. Гегам признается, что все в его *джогаде* так и учились воевать: непосредственно принимая участие в боевых действиях.

– *И эти 36 парней, они умели воевать?*

– *Научились.*

– *Прямо на месте?*

¹¹ Оружие зачастую добывалось на поле битвы. Больше информации о разных способах, которыми Армения справлялась с серьезной нехваткой оружия во время Карабахской войны, см. [41, с. 144–157].

– *Знаете что, мы все на месте научились.* (Герам, Особый полк, ветеранская организация, 7 июня 2016 г., Ереван.)

3. «Политические козни» против «благородного сражения»

В рассказах бывших армянских бойцов особое внимание уделяется правилам ведения боевых действий. Отражает ли это реальность или миф, но тот факт, что они упоминают эту тему, интересен сам по себе. Практический опыт говорит нам, что война, когда бы она ни шла, отменяет ограничения: в конечном счете, любой может совершить варварские акты. При разговоре с *камаворакан* всплывают такие темы, как сражение за свою землю, свой народ, свою нацию; сражение только ради самозащиты, уважение законов ведения войны, правил содержания пленных и их прав, вписывание своей собственной борьбы в долгую коллективную историю и ее оправдание частично на основе прошлых травм – таковы основные составляющие их историй.

Общая память и личные воспоминания о геноциде армян (1915–1918 гг.) сплошь пронизывают нарративы ветеранов об их участии в Карабахском конфликте. Семейные воспоминания и/или национальная история часто используются, чтобы представить сражение за Карабах как справедливое дело.

...[Мы] знали, что случилось в 1915 году... А когда началась наша Арцахская война, я добровольно здесь собрал группу и от зари до зари воевал. <...> Мой позывной – «Черный тюльпан». Не потому что я Ален Делон¹². Когда наших предков резали турки в 1915 году, на месте, где они погибли в этих землях, выросли черные тюльпаны. (Сасун Микаелян, бывший командующий и политик, Раздан, 14 января 2017 г.)

В качестве контраста с нравственным оправданием войны, в интервью очень часто проявляется отвращение к политике или геополитике, которая считается оппортунистичной и грязной, – отношение, довольно широко распространенное на бывшем советском пространстве. Мир, описываемый в этих разговорах, четко разделен на два лагеря, один из которых достоин защиты, а другой – нет. Рубо¹³, бывший офицер силовых структур СССР и член секретной разведывательной группы, делится своим видением мира в таких выражениях:

– *Вы считаете, что политика грязнее войны?*

– *Я считаю, что война – это грязь, кровь, пот, а политика – просто грязь. Плюс война – это необходимость, а от политики можно жить*

¹² «Черный тюльпан» – французский фильм (снятый Кристианом Жаком в 1963 г.), в котором главную роль играет Ален Делон.

¹³ Имя изменено авторами статьи.

отдельно. Я в политику не вмешиваюсь. Очень неприятно мне с ними общаться. Некоторые политические силы мне предлагали финансировать нашу организацию, я отказался. (Рубо, Ереван, 13 января 2017 г.)

«Достойное» обращается к романтическому, рыцарскому эпосу беззаветного самопожертвования за благородную цель; «недостойное» отдаст корыстью и коррупцией, людьми и олигархиями, думающими лишь о сиюминутной выгоде. Другими словами, утопично говорить о (благородном) политическом отражении военной ситуации (также благородной), т.к. политика, по мнению ветеранов, по определению никогда не может быть благородной.

Эта дихотомия в равной степени присутствует во внутренней и международной политике. Вопрос роли России в местной геополитике дает понимание того, как Четырехдневная война вновь пробудила воспоминания о первой войне и ее последствиях. В этом плане поразительным было видение ветеранами перемирия 1994 г. Его временный характер и последствия – лейтмотив наших интервью. В мае 1994 г., после трех лет полномасштабной войны, Россия способствовала перемирию между тремя воюющими сторонами: Арменией, Азербайджаном и Нагорным Карабахом. Бросая взгляд назад, практически все нарративы наших интервьюируемых о перемирии 1994 г. пропитаны ощутимой горечью. Красной нитью проходит то, что Россия «навязала»¹⁴ перемирие, таким образом не дав армянским бойцам выполнить их задачу, которая, в мечтах интервьюируемых, означала, вероятно, поход до Баку или захват Нахичевани.

– Вы чувствовали, что будет конец?

– Нет, вот Алиев¹⁵ попросил Россию, и Россия заставила Армению подписать договор.

– А Вы бы хотели, чтоб продолжалось до...

– В первую очередь, я не знаю, как думает наше правительство, но это исконные армянские земли и наша историческая граница проходит по реке Кура. И пока не будет естественной географической границы между Арменией и соседним государством, эта война никогда не закончится, она утихнет, а потом снова воспламенится.

– Но я возвращаюсь к тому, что Алиев попросил Россию заставить армян...

– Не заставить, а уговорить армян о перемирии, но это не надо было делать.

¹⁴ Именно это слово употребляли все наши респонденты.

¹⁵ Имеется в виду Гейдар Алиев – советский и азербайджанский государственный, партийный и политический деятель. Президент Азербайджана с 1993 по 2003 гг.

– *А что, с вашей точки зрения, надо было делать, продолжать воевать?*

– *Почему Россия не остановилась на границе Советского Союза во время Великой отечественной войны, а дошла до Берлина? Это же нормально. Война закончилась полной капитуляцией. Почему же мы остановились, непонятно.* (Гагик, бывший член *Ардзив Махабарат*, Ереван, 1 июня 2016 г.)

Чувствуется глубокая горечь по поводу отношений патронажа, связывающих Армению с Россией как страну, зависящую от Москвы в вопросах безопасности [2, с. 3–21], при том, что Россия продолжает продавать оружие Азербайджану¹⁶. Это состояние «ни войны, ни мира» просуществовало 22 года и, в основном, приписывается геополитике Москвы, направленной на поддержание статус-кво на Южном Кавказе и выражающейся в дифференцированной, но сбалансированной поддержке обеих сторон конфликта. Четырехдневная война также пробудила более ранние настроения по поводу операции «Кольцо», проведенной в 1991 г., когда советская армия вмешалась, окружив и переселив армянские деревни в Карабахской области и на сопредельных территориях [14, с. 121]¹⁷.

...Потому что тогда все были против нас, Советский Союз был против нас, даже была организована целая операция «Кольцо», то есть советские войска защищали Азербайджан. Они их вооружили, они воевали против, сделали из нас... персон нон грата, сепаратистов, объявили сепаратистами... (Рубен, бывший советский офицер, Ереван, 7 июня 2016 г.)

Участие в сражениях и вклад в победу в 1994 г. дает право критиковать Россию солдатам и бывшим солдатам. Их критика становится еще сильнее от того, что они так и не пошли в политику; в целом неблагоприятное отношение к политике резко повышает критический подход.

¹⁶ В последние годы негодование по отношению к Москве нарастало быстрыми темпами из-за сочетания нескольких факторов, обнажающих неравные отношения России и Армении. Среди важнейших из них мы можем упомянуть использование Россией своего воздействия на безопасность в Карабахе, чтобы принудить Армению вступить в Таможенный союз в 2013 г.; убийство российским солдатом с военной базы в Гюмри В.П. Пермяковым семьи в этом городе в 2015 г.; продолжающуюся продажу большого количества оружия Азербайджану (3 млрд дол. в 2015 г.).

¹⁷ «Кольцо» – название военной операции, проведенной советскими ОМОНОм и 4-й армией, расположенной в Азербайджане, весной 1991 г. Операция заключалась в жестокое перемещение армян из областей Нагорного Карабаха и его окрестностей. Негласной причиной этого грубого вмешательства Советской армии в Карабахе было прекращение процесса обретения независимости Арменией, начавшегося годом ранее. Армения восприняла это как молчаливое объявление войны, но, тем не менее, проследовала по конституционному пути к независимости. Более детальный анализ политических и военных импликаций операции «Кольцо» см. [41, с. 85–90].

Таким образом, Гагик критикует не только «Россию», но и армянскую политическую элиту, когда он высказывает негодование по поводу награждения советского премьер-министра Н.И. Рыжкова армянским Орденом Отечества с присвоением звания «Национальный герой Армении» (2008 г.):

С 2004 г. Николай Рыжков стал единственным человеком, удостоившимся медали героя от Армении, хотя с независимой Арменией его ничего не связывает. В 1988 г., будучи Председателем Совета Министров СССР, он приехал в Гюмри и пробыл там месяц, чтобы оценить последствия землетрясения. Он даже ничего не сделал. Я не вижу смысла награждать его национальной медалью героя... Если бы он хоть чем-то помог после землетрясения, тогда... возможно... но там до сих пор зона бедствия. Почему его наградили медалью, а не людей, которые этого действительно заслужили? Почему бы не наградить геройской медалью наших нынешних героев, таких, как Арменак Урфанян, Роберт Абаджян, Кярам Слюян?

Арменак Урфанян, Кярам Слюян, Роберт Абаджян и Андраник Зограбян были первыми бойцами, которых армянская сторона (из Армении и Нагорно-Карабахской Республики) потеряла в четырехдневной войне с 1 по 2 апреля 2016 г. Они были отмечены за действия в бою несколькими наградами. Сравнивая заслуги бывшего советского премьер-министра с наградами молодых солдат и офицеров, интервьюируемый отмечает, что, по его мнению, высшая награда республики должна выдаваться тем, кто пожертвовал жизнью за страну. Обращаясь к более чем 25 годам истории Армении от позднего Советского Союза до нынешней независимости, интервьюируемый устанавливает в качестве мерил поступка деяние, предпринятое индивидуумом в конфликтной ситуации.

Для нашей выборки ветеранов главной характерной чертой последних 25 лет было постоянное отсутствие мира: хотя концепции «безмизрии» и не существует, было бы подходяще таким образом описывать и анализировать ситуации наподобие карабахской, когда перемирие теоретически продолжается десятилетиями, но по факту лишь сдерживает полномасштабную войну; наоборот, имеют место практически ежедневные нарушения, регулярные всплески более интенсивных боевых действий и мелкие столкновения. Ожидания ветеранов, и в более широком плане большей части армянского общества, нацелены на следующее военное обострение¹⁸ и создают психологическое состояние, которое может быть определено как алертность.

¹⁸ Мариель Дебо создает концепцию «межвоенья» ('entre-guerres'), чтобы выделить ситуацию, когда бойцы выжидают следующего эпизода войны в течение длительного отсутствия мира в африканской Республике Чад [18].

II. Неразрешенный конфликт и парадокс привычного состояния alertности, видимый через социальные траектории ветеранов

– Ну, перемирие длилось вроде бы 22 года, но каждый год, каждый месяц, каждую неделю мы слышим, что убили, убили, убили... неужели это перемирие? Это не перемирие, это, конечно, война. (Армен, заместитель председателя организации *Еркрапа*, Дилижан, 3 июня 2016 г.)

Эти слова принадлежат бывшему бойцу, ставшему впоследствии кадровым военным в армянской армии после войны в Карабахе в 1988–1994 гг., а затем и заместителем председателя местного отделения *Еркрапа*. Они свидетельствуют о ситуации «ни войны, ни мира», столь характерной для всех т.н. «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве [32, с. 32–37; 39, с. 5–7]. В отсутствие мирного договора и разрешения глубинных причин конфликта, насилие безостановочно продолжается на фронте, а противоборствующие государства, признанные и непризнанные, продолжают вооружаться и находиться в состоянии постоянной готовности. Отсутствие доверия государств и в большой степени обществ друг к другу лишь способствует отчуждению двух народов.

После военной победы армян и перемирия 1994 г. во многих отношениях решающим фактором стал вопрос государственности, особенно на фоне военных побед других непризнанных потенциальных государств в постсоветском пространстве – Абхазии и Чечни. Об этом лучше всего свидетельствует проблема возвращения бойцов к мирной жизни и особенно их разоружения. По контрасту с Абхазией после перемирия 1993 г. и Чечней после перемирия 1996 г. армянские власти попытались систематически изымать оружие. В случае Чечни практически все бойцы сохранили у себя оружие после взятия Грозного в августе 1996 г., и некоторые из них незамедлительно стали нарушителями хрупкого мира, которого они не желали [33, с. 224–236]. В Абхазии же сепаратисты и не собирались сдавать оружие, т.к. такая идея казалась абсурдной и даже бессмысленной в ситуации отсутствия мирного договора¹⁹. Однако в случае Армении надо сделать четкое разграничение: при том, что Карабах является непризнанным государством наподобие Абхазии, Армения сильно полагается на свою идентичность как государство в процессе признания его международным сообществом, что является существенным отличием и представляет послевоенный период в ином виде.

¹⁹ Полевые заметки Од Мерлен: Абхазия, январь 2015 г., январь 2017 г.

Во взятых нами интервью прослеживалось, что ветераны воспринимают период с 1994 по 2016 гг. как континуум войны варьирующей интенсивности, а Четырехдневную войну – как пик, но не окончание длительного периода незавершенной войны. Если говорить об армянском обществе в целом, преобладает восприятие этого периода как послевоенной стабильности, прерываемой отдельными эпизодами всплесков насилия. В то же время ветераны – члены общества, поэтому в развитии этих двух восприятий присутствуют как взаимодействия, так и расхождения. В этой части мы предполагаем, что социологические траектории ветеранов – конечно же, в рамках наших интервью, которые очевидно содержат элемент предвзятости, т.к. никто из опрошенных не стал явным маргиналом после наступления перемирия – имеют эвристическую ценность для взгляда на понятие состояния тревоги: социальная активность большей их части выявляет как реконверсию их навыков в мирной жизни, так и практические последствия их восприятия Карабахского конфликта как незавершенного. В нашем примере траектории в течение долгого 25-летнего перемирия могут быть проанализированы как отражение процесса институционализации состояния алертности на уровне государства, а также его наполнения индивидуальными практиками.

4. Возвращение бывших бойцов и институционализированное состояние алертности

Несколько интервью указывают на крепкую связь между военным опытом бойца, с одной стороны, и поступлением на службу в армянскую армию после начала перемирия – с другой: выбор, который, по сообщениям интервьюируемых, сделало большинство их соратников по *джогаду*. Эта институционализация индивидуальных воинских траекторий в послевоенном контексте контрастирует с неформальными путями, приведшими к «становлению бойцом», описанными ранее. Каждый из этих личных путей сложился после создания независимого армянского государства и, в первую очередь, зависел от отношения государства к военной прерогативе: рождение армянской армии произошло именно в контексте войны [8, с. 1–28; 42, с. 169–195], в соответствии с паттерном, уже проанализированным Чарльзом Тилли в работе «The State makes war and war makes the State» [48]. Но эти бывшие бойцы были также настроены на участие в создании новой армии. В этом смысле их решение строить военную карьеру очевидно.

Мы обнаружили, что при реконверсии своих новых навыков для заработка бывшие добровольцы руководствуются не только практическими

соображениями, но и сильным желанием передать свою ценностную мотивацию и идеологические принципы соратникам – поколениям, выросшим за время перемирия. Даже столь далекие от войны жизненные выборы, сделанные интервьюируемыми, как поиски скорбящей матерью погибших молодых солдат или поступление на муниципальную службу в качестве начальника юридического отдела, помогая таким образом «укреплению государства», сознательно связаны со стремлением передать то, что заставляло рисковать своей жизнью во время войны, и сохранить это для них самих, общества в целом и особенно для молодежи. Аргументы, приводимые в обоснование этого решения, обычно имеют политический, символический или исторический характер; экономическая действительность напрямую не упоминается, но, когда такой довод озвучивается, он не используется для оправдания.

– *Значит, сбор оружия, май 94-го, вы вернулись... Чем вы стали заниматься? О чем вы думали?*

– *О работе, конечно.*

– *А что за работа?*

– *Ну, я остался военным, 23 года стажа у меня, я сейчас уже преподаю в колледже как военрук... До призыва в армию мы даем детям знания. Чтобы они, когда пойдут в армию, знали сперва, с чего начать.*

– *А если бы не было войны в Карабахе? Ваша жизнь по-другому бы пошла? Вы бы школу закончили, получили другую профессию... Или все-таки стали бы военным?*

– *Я не хотел им становиться, но мои прадедушки из Муш и из Вана... они рассказали, что было тогда... пусть земля им будет пухом. Но они рассказали нам, что было в 15-м году и после.*

– *Армен, когда после войны вы пошли в армию, вы сделали это, потому что вам нравилось или потому что не было другой работы?*

– *...Я хотел свою практику дать тем детям, которые будут служить в армии. И у меня получилось. У меня были хорошие ребята, хорошие... до сих пор мы помним друг друга, звоним... дружим семьями, уже семьями. (Армен, заместитель председателя местного отделения Еркирана, Дилижан, 3 июня 2016 г.)*

Способ, с помощью которого поступали на профессиональную военную службу в бурно развивающуюся армянскую армию, проливает свет на появление самого армянского государства.

Двойственный процесс демобилизации и поступления на службу в регулярную армию имеет последовательный характер и четкие границы: одну – в момент возвращения бойцов к мирной жизни, а другую – при начале их службы в качестве кадровых военных.

Большинство опрошенных до сих пор сохраняют яркие воспоминания роли В. Саргсяна в этом процессе:

– *Вазген Саргсян знает, что сказал? Он сказал: «Это хорошо, что вы отвоевали наших предков земли, но сейчас нужно строить армию. Во имя тех ребят, которые свою кровь, свои силы и средства все вложили в победу, сейчас уже время, чтобы создать армию». И мы, кто хотел, включились в эту работу....* (Манвел, ветеранское сообщество, Ереван, 7 июня 2016 г.)

По сути, движение к независимости, сопряженное с началом войны, сделало армию фундаментальной основой и логическим продолжением строительства государства. В действительности же постепенный процесс превращения добровольцев в опытных солдат и затем профессиональных офицеров работал задолго до перемирия 1994 г. Он начался еще во время войны, в частности, с 1992 г. [41, с. 99–113, 128–138], когда министр обороны Армении Вазген Саргсян создал батальон «Махабарт» («Приговоренных к смерти»), заложив основу профессионализации добровольцев. Когда в октябре 1992 г. его сменил на посту Вазген Манукян, он постепенно реорганизовал добровольцев с помощью посменной и контрактной систем: хотя плата была мизерной, люди поступали на службу и подразделения были упорядочены. Одновременно с этим строилась призывная армия. Таким образом, армянская армия была сформирована во время войны, и ее создание было, несомненно, подстегнуто войной. На уровне государства ежедневная обеспокоенность безопасностью превратилась в институциональный, финансовый и кадровый приоритет, предоставляемый учреждениям, связанным с обороной, и решению соответствующих вопросов [Там же, с. 193–206]. Поразительно, что это состояние постоянной тревоги отражено в наших интервью не только на словах, но и на деле. Например, несколько интервьюируемых, как пожилых, так и молодых, говорили, что они «всегда готовы» к обороне: у них собрана сумка с военным снаряжением, они регулярно проверяют униформу, поддерживают в порядке неприкосновенные запасы и предметы первой необходимости, иногда посещают уроки по воинскому делу и т.д.

5. Актуальный пример – союз *Еркрапа*

Создание союза *Еркрапа* было нацелено непосредственно на помощь процессу реинтеграции ветеранов войны и поддержания их вовлеченности. *Еркрапа Камаворакан Миютюн* («Союз добровольцев – защитников Родины») – это союз бойцов-добровольцев, официально основанный Вазгеном Саргсяном в июле 1993 г. Действительно, он начал бурно

развиваться после того, как перемирие показало свою стабильность: начиная с 1995 г. В. Саргсян подчеркивал, что Армении было абсолютно необходимо, чтобы «порох оставался сухим» [41, с. 159–186]. Вновь став министром обороны, он озаботился предоставлением социального пространства всем добровольцам, возвращающимся в мирную жизнь, их социальным и символическим награждением за участие в войне, при этом наблюдая за ними, чтобы избежать двух «провалов» или тенденций, которые он считал особо опасными. Первой тенденцией было возвращение вооруженных людей к мирной жизни, второй – создание ветеранами политических партий и превращение Армении в военный режим [Там же, с. 237–247].

В течение военных лет членами *Еркрапа* стали около 6 тыс. бывших бойцов. Несколько тысяч бывших солдат также пополнили ее ряды, но это число не может быть достоверно установлено. Некоторые источники называют цифру в 30 тыс. человек к началу 2000-х гг. [49, с. 162–165, 244]. В любом случае, *Еркрапа Камаворакан Миютюн* стала мощной политической организацией в общественном пространстве Армении. Были созданы и другие ассоциации бывших бойцов – несколько дюжин, по данным некоторых источников, но союз *Еркрапа* среди них самый видимый, мощный и активный. *Еркрапа* важны в аспекте передачи опыта и ценностей по причине своего участия в (молодежных) клубах *бадани*, которые члены *Еркрапа* посещают для обучения подростков.

– *А вы можете объяснить, что такое Еркрапа?*

– *Ну, это уже видно было в апреле... [2016 г.] четырехдневная [война]... мы для этого созданы, мы для этого есть, что где, в какой точке будут идти боевые действия, мы все вместе.*

– *Когда была создана Еркрапа?*

– *Еркрапа была создана в 89-м году, ну, конкретно, в 90-м году.*

– *Кем?*

– *Ну, конечно, нашим спаряпетом²⁰ Вазгеном Саргсяном.*

– *И с какой целью?*

– *Ну, конечно, цель та же.*

– *И сколько человек в Еркрапе?*

– *Сейчас? Ну, конечно... я не могу назвать конкретную цифру, извините... но есть и новое поколение...*

²⁰ Почетный титул, данный Вазгену Саргсяну перед его гибелью в результате террористического акта в 1999 г. Хотя он и был гражданским лицом, Саргсян считается постоянным командиром добровольцев и, в продолжение этой линии, отцом армянской армии, т.к. она была создана, в основном, при вовлечении добровольцев в войну.

- Но, чтобы вступить в *Еркрапу*, нужно иметь опыт боевика?
- Конечно, опыт и любить свою родину, в первую очередь.
- Есть члены всех возрастов, всех поколений?
- Да, конечно.
- Вазген Саргсян создал, а вот после войны пополнились ряды *Еркрапы*?
- *Еркрапы*? Да, конечно.
- Те, кто вернулся с войны, вступили?
- Они уже были в *Еркрапе*.
- Быть членом *Еркрапы* – что это конкретно значит? Нужно ходить по школам или помогать ветеранам? Или быть резервом, если, не дай бог, война?
- Вот все это вместе. (заместитель председателя дилижанского отделения *Еркрапа*).

Кажущаяся путаница с датами создания *Еркрапа* в этом отрывке хорошо показывает, как армянские бойцы трансформировались из добровольцев в ветеранов и далее в кадровых военных, в чьи задачи входило обучение воинским навыкам в военных училищах и тренировокка молодых членов *Еркрапа*.

6. Делая культурную трансмиссию своим новым призванием: с поля битвы в учебный класс и обратно

В долгосрочной перспективе среди траекторий реконверсии наших интервьюируемых присутствует одна поразительная черта: почти все они выбрали занятие, во-первых, которое они могут связать со своим военным опытом, и, во-вторых, передать его другим, в основном, молодым людям. Это делается либо с помощью институциональных каналов, таких, как *бадани Еркрапа* («Молодежь *Еркрапа*»), либо с помощью личных инициатив.

Относительно первого канала: союз *Еркрапа* основал секцию *бадани* в 1999 г., но по-настоящему она заработала в 2009 г. В 2014 г. *Еркрапа*, Министерство образования и Министерство обороны Республики Армения подписали соглашение, нацеленное на расширение сети клубов, которые ныне частично финансируются за счет государственного образовательного бюджета. По состоянию на 2014 г., насчитывалось 72 отделения *бадани* в Ереване и областях, в 2016 г. клубы *бадани* действовали в более чем 1400 школах по всей стране, собирая детей и подростков от 12 до 18 лет. Утверждается, что их численность составляет 30 тыс. человек²¹. Программа *бадани* состоит из практических уроков военной

²¹ Информация с официальной страницы союза *Еркрапа* (www.ekm.am), а также предоставленная Манвелом Григоряном, председателем союза, в интервью от июня 2016 г.

подготовки, основанных на идеологии «патриотического образования». Школа в Зовуни, которую нам удалось посетить²², дает особенно поучительный пример способа ведения уроков и преподавания истории и географии, иногда в причудливом, естественно, выгодном для армян свете. Использование иллюстраций в одном из классов демонстрирует заинтересованность долгосрочной культурной трансмиссией, беспорядочное смешение истории, памяти и войны, а также территориальную, политическую и институциональную интеграцию армянского государства с непризнанным образованием Карабах, объединенных в одних границах с двойным названием «Республика Армения и Республика Карабах».

Примеры этого бессистемного смешения: модель *Цицернакаберда*, мемориала геноцида в Ереване, и цветок *анморук*, незабудка, выбранная в качестве всемирного символа столетия этих событий в 2015 г., сделанная молодежью *Еркрана*. На стене можно увидеть большой плакат с набором фотографий и коротких биографий великих военных персон XIX и XX вв. – от знаменитых *фидаинов* (бойцов-добровольцев) прошлого века до лидеров Первой республики (1918–1920 гг.) и Героя Советского Союза времен Второй мировой войны, рожденного в Карабахе маршала И.Х. Баграмяна. В другом классе висят пять плакатов, представляющих главных действующих лиц и основные военные операции четырех великих событий: движение *фидаинов* (которые здесь названы *гайдуками*); операции Первой республики, особенно Сардарпат, битва 1918 г., благодаря которой изможденным армянским войскам удалось предотвратить захват российской Армении турецкой армией; операции Второй мировой войны с упором на роль армян в них, и арцахский (карабахский по-армянски) *азадамарт* (освободительная война); все это проиллюстрировано с помощью карт. Справа от этих плакатов расположены два документа поменьше. Один из них – награда, данная Министерством чрезвычайных ситуаций в 2013 г. Артуру Ованесяну, инструктору школьной *бадани*, за работу по военно-патриотическому воспитанию и культуре на благо принесенного в жертву поколения. Чуть ниже висит текст присяги, которую дают при поступлении в армянские вооруженные силы.

Пример Рубо, которого мы упоминали ранее, типичен для личного пути реконверсии и культурной трансмиссии: после ухода из силовых структур СССР, в конце 1980-х гг. он вступил в секретную группу, задачей которой было собирать актуальную информацию на местах. Годы спустя, в 2010 г., Рубо основал военно-патриотический клуб начальной

²² Возле Еревана, в июне 2016 г. и феврале 2017 г.

военной подготовки и навыков выживания. Фактически, это школа, в которой несколько инструкторов, включая ее основателя, обучают добровольцев всех возрастов тому, как справляться с кризисными ситуациями в повседневной жизни, и особенно в военное время. Аудитория – в основном, молодежь (от 16 до 35 лет), две трети которой составляют мужчины, но количество женщин день ото дня возрастает. Общее число студентов не разглашается, но, основываясь на нашей полевой работе, мы оцениваем их количество (прошлых и настоящих) в более чем 500 человек. Во время интервью Рубо упомянул, что его личный вклад дополняет работу государства в этой области²³. Его работа четко свидетельствует о неспособности государства должным образом покрыть все потребности, проистекающие из нестабильности конфликта и хрупкости перемирия.

Таким образом, частные инициативы стали способом обеспечить подготовку в области обороны, предоставляемую государством (военную службу) и большими институционализированными каналами (*Еркрапа*) молодым (и не очень) мужчинам и женщинам, чтобы они получили возможность превратиться в бойца-добровольца в любой момент, и обрели идеологические принципы, которыми они будут при этом руководствоваться. В целом, частные инициативы культурной трансмиссии свидетельствуют об интеграции состояния alertности в армянском обществе на повседневном уровне и вне государственных каналов.

Заключение

Материал, с которым мы работали, хотя и не имеет статистической или какой-то общей ценности применимо к траекториям армян в карабахском конфликте, проливает свет на три измерения. Во-первых, как значимые символические коллективные исторические факты (Сумгаит, геноцид армян) формируют индивидуальные нарративы похода на войну. Во-вторых, конкретные пути становления бойцов на Южном Кавказе в беспокойный период развала Советского Союза, когда распадающееся Советское государство оставляло рассеянные военные структуры, но при этом ни одно из функционально независимых государств не было способно организовать военную мобилизацию. В-третьих, это восприятие длительного периода перемирия, которое не является ни по-настоящему постконфликтным периодом, ни сколько-нибудь прочным миром и которое при этом наполняет alertностью.

Предварительные результаты нашего исследования историй добровольцев из Армении в карабахском конфликте двойственны. Во-первых, нарративы ветеранов войны касательно своего участия, их воспоминания

²³ Интервью с Од Мерлен, январь 2017 г., Ереван.

об этом показывают беспокойство, окружающую темпоральность и качество этого конфликта. С одной стороны, существует официальная военно-политическая датировка войны: Карабахское движение, начиная с 1988 г. параллельно с вялотекущим карабахским конфликтом, включая операцию «Кольцо» в 1991 г., затем полномасштабные боевые действия, начиная с развала Советского Союза в декабре 1991 г., и, наконец, период перемирия после 1994 г. Четырехдневная война 2016 г. не нарушила нестабильное отсутствие мира, т.к. после этих событий было заключено еще одно, столь же неэффективное перемирие. С другой стороны, существуют индивидуальные нарративы, демонстрирующие смешанную картину без четкой последовательности событий между миром и войной, но с набором ярких фактов, всплывающих в памяти. Эти два уровня нарративов связаны многочисленными перекрестными мостиками, по которым, как мы видели, «путешествуют» индивидуальные нарративы. Хотя наш пример и мал, он показывает заметное совпадение в восприятии Карабахской войны как защиты находящихся в опасности карабахских армян, воскрешая настроения по поводу Сумгаита в отношении области Карабах советского Азербайджана.

Во-вторых, вопрос временности и качества конфликта подкрепляет ситуацию «безмирия» после перемирия, окрашенной во все оттенки военной палитры: от обычного нарушения режима прекращения огня, забирающего по несколько жизней каждую неделю, до коротких, но интенсивных операций Четырехдневной войны 2016 г. Ветераны, опрошенные нами после Четырехдневной войны, представляют ситуацию как перманентно нестабильную, с угрозой возобновления боевых действий, которую мы назвали «состояние alertности». Многим из них опыт подсказывает, что они должны оставаться настороже вне связи с событиями апреля 2016 г. Эта черта наиболее четко проявляется в настроениях ветеранов, которые выстроили свою послевоенную жизнь вокруг умений и навыков, полученных на войне, особенно в настроениях офицеров и/или учителей, обучающих молодых людей – потенциальных новых добровольцев. В нашей выборке опрошенных также присутствовали молодые добровольцы, однако их было слишком мало, чтобы включать их в настоящий анализ. Тем не менее, мы бы хотели заметить: пока интервью с молодыми добровольцами, участвовавшими в Четырехдневной войне, указывают на релевантность вопросов, поднятых в этой главе в отношении старших ветеранов. Накануне 30-й годовщины начала Карабахского конфликта и с учетом большей вероятности того, что вражда грозит возобновиться (доклад Международной кризисной группы, июнь 2017 г.), интерес продолжать это исследование о значимости вовлечения в конфликт, чтобы распространить его на полный поколенческий цикл, остается высоким.

Библиографический список / References

1. Дериглазова Л., Минасян С. Парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте. Ереван, Институт Кавказа. 2011. URL: https://c-i.am/research/paper%203_rus.pdf (дата обращения: 06.11.2019).
2. Минасян Г. Армения, российский форпост на Кавказе? *Russie. Nei. Visions*. No. 27. February 2008. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_minassian_armenie_russie_rus_fevr2008.pdf (дата обращения: 06.11.2019).
3. Armenia at the crossroads: Democracy and nationhood in the Postsoviet Era: Essays, interviews and speeches by the leaders of the National Democratic Movement in Armenia. Libaridian G. (ed.). Watertown, MA, 1991.
4. Beissinger M.R. Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge, 2002.
5. Berdal M.R. Disarmament and demobilisation after civil wars. Oxford, 1996.
6. Berdal M.R., David H.U. Reintegrating armed groups after conflict: Politics, violence and transition. London, 2009.
7. Beyond state crisis? Post-Colonial Africa and Post-Soviet Eurasia in comparative perspective. Beissinger M.R., Young C. (eds.). Woodrow Wilson Center Press, 2002.
8. Blom A. «La guerre fait l'Etat»: trajectoires extra-occidentales et privatisation de la violence, Centre d'études en sciences sociales de la défense. 2006. URL: https://www.academia.edu/27332609/C2SD-Guerre_fait_lEtat.pdf (date of access: 06.11.2019).
9. Broers L. Cartographic exhibitionism? Visualizing the territory of Armenia and Karabakh, with Gerard Toal. *Problems of Post-Communism*. 2013. No. 60 (3). May–June. Pp. 16–35.
10. Broers L. From 'frozen conflict' to enduring rivalry: Reassessing the Nagorny Karabakh conflict. *Nationalities Papers*. 2014. No. 43 (4). Pp. 556–576.
11. Broers L. Mirrors to the world: The claims to legitimacy and international recognition of de facto states in the South Caucasus. *Brown Journal of International Affairs*. 2014. No. 20 (2). Spring/Summer. Pp. 145–159.
12. Broers L. Recognising politics in unrecognised states: 20 years of enquiry into the de facto states of the South Caucasus. *Caucasus Survey*. 2013. No. 1 (1). Pp. 59–74.
13. Chechnya at war and beyond. Le Huérou A., Merlin A., Regamey A., Sieca-Kozłowski E. (eds.). Routledge, 2014.
14. Cheterian V. Sumgait: The birth of Karabakh conflict. *War and peace in the Caucasus, Russia's troubled frontier*. London, 2008. Pp. 97–109.
15. Cornell S.E. Azerbaijan since independence. N.-Y., 2011.
16. Darby J., MacGinty R. Contemporary peacemaking: Conflict, peace processes and post-war reconstruction. Basingstoke, 2008.
17. De Waal T. Black garden, Armenia and Azerbaijan through peace and war. NYU Press, 2003.
18. Debos M. Living by the Gun in Chad. Combatants, impunity and state formation. Zed Books, 2016.
19. Follebouck X. Les conflits gelés de l'espace postsoviétique. Genèse et enjeux. Louvain-la-Neuve, 2012.

20. Guerres et reconnaissance. Lindemann T., Saada J. (eds.). *Cultures & conflits*. 2012. No. 87. DOI : 10.4000/conflits.18459
21. Hannover J. Guerres civiles : économies de la violence, dimensions de civilité. Paris, 1999.
22. Hassner P., Marchal R. Guerres et sociétés : États et violence après la Guerre froide. Paris, 2003.
23. Hawk K.H. Constructing the stable state: Goals for intervention and peacebuilding. Westport, Conn, 2002.
24. Holsti K.J. The state, war, and the state of war. Cambridge, 1996.
25. Hovhannisyan N. The Karabakh problem: Factors, criteria, variants of solution. Erevan, 1999.
26. Kaldor M. New and old wars: Organized violence in a global era. Cambridge, 1999.
27. Kalyvas S. New and old civil wars: A valid distinction? *World Politics*. 2001. No. 54 (1). Pp. 99–118.
28. Kalyvas S. The logic of violence in civil war. Cambridge; New-York, 2006.
29. Kalyvas S. The Remnants of War. *Perspectives on Politics*. 2005. No. 3 (3). Pp. 692–693.
30. Libaridian G. Modern Armenia: People, nation, state. New Brunswick, NJ, 2004.
31. Libaridian G. The Challenge of Statehood: Armenian political thinking since independence. Watertown, MA, 1999.
32. Merlin A. Les conflits dits gelés sont-ils non solubles ? Les cas du Karabakh et de l'Abkhazie. *Regards sur l'Eurasie, l'année 2016*. A. de Tinguy (dir.). Paris, 2017.
33. Merlin A. The postwar period in Chechnya: When spoilers jeopardize the Emerging Chechen State (1996–1999). *War veterans in Postwar situations, Chechnya, Serbia, Turkey, Peru, and Côte d'Ivoire*. N. Duclos (ed.). Palgrave Mcmillan, 2012. Pp. 219–240.
34. Merlin A., Serrano S. Repenser le lien entre Etats et violences au Caucase. *Dynamiques internationales*. 2012. URL: <http://dynamiques-internationales.com/wp-content/uploads/2016/01/DI6-Merlin-Serrano.pdf> (дата обращения: 18.05.2018).
35. Mouradian C. De Staline à Gorbatchev : histoire d'une République soviétique, l'Arménie. Paris, 1990.
36. Münkler H. The new wars. Cambridge, 2005.
37. Nagorno-Karabakh's gathering war Clouds. International Crisis Group. Report No. 244. June 1, 2017. URL: <https://www.crisisgroup.org/ru/europe-central-asia/caucasus/nagorno-karabakh-azerbaijan/244-nagorno-karabakhs-gathering-war-clouds>; 2017 (date of access: 06.10.2019).
38. Ni guerre, ni paix. Linhardt D., Moreau de Bellaing C. (eds.). *Politix*. 2014. Vol. 26. No. 104.
39. "Not frozen! The unresolved conflicts over Transnistria, Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh in light of the crisis over Ukraine". Fischer S. (ed.). *SWP Research Paper*. 2016. RP 09. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/not-frozen-conflicts-in-the-post-soviet-area/> (date of access: 06.11.2019).
40. Ordres et désordres au Caucase. Merlin A., Serrano S. (eds.). Bruxelles, 2010. Pp. 125–143.

41. Papazian T. L'Arménie à l'épreuve du feu. Forger l'Etat à travers la guerre. Paris, 2016.
42. Papazian T. Nœud gordien ou rocher de Sisyphe ? Le conflit du Karabakh dans la vie politique arménienne. *Ordres et désordres au Caucase*. A. Merlin, S. Serano (dir.). Bruxelles, 2010.
43. Richards P. No peace no war: An anthropology of contemporary armed conflicts. Athens, OH, 2005.
44. Shahnazarian N., Ziemer U. Young soldiers' tales of war in Nagorno-Karabakh. *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. Issue 9. Pp. 1667–1683.
45. Stedman S. Spoiler problems in peace processes. *International Security*. 1997. Vol. 22(2). No. 5. Pp. 5–53.
46. Stedman S., Rothchild D.S., Cousens E.M. Ending civil wars: The implementation of peace agreements. Boulder, CO, 2002.
47. The unrecognised politics of de facto states in the post-soviet space. Broers L., Iskandaryan A., Minasyan S. (eds.). Erevan, 2015.
48. Tilly C. War making and state making as organized crime. *Bringing the State Back in*. Cambridge, 1984.
49. War veterans in Postwar situations, Chechnya, Serbia, Turkey, Peru, and Côte d'Ivoire. Duclos N. (ed.). Palgrave MacMillan, 2012.
50. Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. 1922. Revised ed. 1978, University of California Press.

Статья поступила в редакцию 16.10.2019, принята к публикации 14.11.2019
The article was received on 16.10.2019, accepted for publication 14.11.2019

Сведения об авторах / About the authors

Мерлен Од – PhD (политические науки); доцент кафедры политических наук, Брюссельский свободный университет (франкоязычный)

Aude Merlin – PhD in Political Science; lecturer at the Department of Political Sciences, Université libre de Bruxelles, Brussels, Belgium

E-mail: amerlin@ulb.ac.be

Папазян Талин – PhD (политические науки); ассоциированный исследователь Института армянских исследований, Университет Южной Калифорнии. г. Лос-Анджелес, США

Taline Papazian – PhD in Political Science; fellow at the Institute of Armenian Studies, University of Southern California, Los Angeles, CA, USA

E-mail: taline.papazian@sciencespo.fr

Заявленный вклад авторов

О. Мерлен – совместное планирование и исследовательская концепция, совместные полевые и отдельные полевые работы (на русском языке), совместный анализ и интерпретация данных, совместное написание оригинальной версии, руководство переводом на русский язык

Т. Папазян – совместная концепция планирования и исследований, совместные полевые и отдельные полевые работы (на армянском языке), доступ к официальным лицам Армении, совместный анализ и интерпретация данных, совместное написание оригинальной версии статьи, корректура англоязычной версии

Contribution of the authors

A. Merlin – joint planning and research conception, joint field-work and separate field-work (in Russian), joint data analysis and interpretation, joint writing of the original version, supervision of the Russian translation

T. Papazian – joint planning and research conception, joint field-work and separate field-work (in Armenian), access to official personnel in Armenia, joint data analysis and interpretation, joint writing of the original version, proof-reading of the English version

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript